

А.Л. Чибиров

ИРАНСКАЯ КОМПОНЕНТА БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА М.И. РОСТОВЦЕВА

А.Л. Чибиров*

Аннотация. *Расположившееся в Евразии Боспорское царство (V в. до н. э.–III в. н. э.) соседствовало на юге с сасанидским Ираном, а на севере и западе – с ираноязычными скифами и сарматами. Во всех своих исследованиях крупнейший ученый-антиковед М.И. Ростовцев отстаивал идею огромного влияния иранских народов на историю Боспорского царства и рассматривал это как результат многовековых тесных культурно-исторических отношений царства с Персией и влиятельным и сильным скифо-сарматским миром.*

Ключевые слова: *Ростовцев, Причерноморье, Иран, скифы, эллины, города-колонии, сарматы, Боспорское царство, иранизация, обожествление.*

Великий русский ученый М.И.Ростовцев оставил после себя богатое научное наследие по античной истории, в частности по истории и культуре скифов и сармат. Его работы были фактически первым удачным опытом сочетания исторических свидетельств с данными археологии [1]. «Обладая концептуальным складом ума, непрерывно обогащая изучение античности новыми идеями, Ростовцев разработал концепцию социально-экономической истории и цивилизации эллинизма, Римской империи, античного Причерноморья и скифо-сарматского мира», – писал о Ростовцеве крупный исследователь наследия ученого Э. Фролов [2]. Рассматривая древнюю историю России в контексте процессов, происходящих в южнорусских степях в праславянскую эпоху, Ростовцев уделял огромное внимание истории народов и государств, существовавших в этом ареале в древности, а также взаимоотношениям между этими народами. Несомненно, что Боспорское царство наряду со скифским государством находилось в зоне его научных интересов. Ростовцев отстаивал идею огромного влияния иранского элемента на историю Боспорского царства, считал, что среди греческих колоний в бассейне Черного моря, наиболее тесные связи с иранским миром поддерживал Боспор. Эта концепция не отвергается и современными исследователями [3].

Боспорское царство возникло в 480 г. до н. э. и просуществовало более восьми столетий, до III в. н. э. С восхождением на боспорский престол представителя иранской династии Спартокидов оно стало евразийским государством, ибо тогда же южное побережье Черного моря (Понта Евксинского) вошло в состав Боспорского царства. Что касается европейских провинции, то здесь с Боспором соседствовали с востока и севера ираноязычные скифо-сарматские племена.

Особое внимание Боспору Ростовцев уделил не случайно. Действительно, Боспор был некоей географической координатой, в которой сошлись и затайливо переплелись две культуры, два антигена древнего мира: Эллада и северопричерноморские варвары [3; 155], и среди них, в первую очередь, скифы и сарматы. Государство испытало сильное влияние иранизма, как с юга (Персии), так и со стороны ближайших соседей на севере и востоке страны – скифов и сарматов.

Взаимоотношения Персидской империи с Боспорским царством восходят к V в. до н. э. В 438 г. до н. э. на смену греческой династии Археанактидов, к власти пришла династия Спартокидов, тесно связанная с Персидской империей. К этой династии восходит начало процесса иранизации Боспорского царства. Имя первого боспорского правителя, возведенного в божественный сан, – Перисад – является по этимологии чисто персидским (букв. «сын Пери»). Непосредственно же родственные связи древних иранцев с царствующим домом в Боспоре восходят ко II в. до н. э., когда монарх Понтийского царства на южном берегу Черного моря, полуиранец по происхождению, Митридат VI Евпатор установил свою власть в Боспоре. Тогда же в государственных институтах Боспора формируется и утверждается культ верховного правителя. Как пишет Ростовцев, с этого времени «монархия принимает, по крайней мере, в титуле, внешний вид великой персидской монархии... боспорский царь является, несомненно, и великим царем» и «царем царей» [4]. Опека Рима мешала Митридату ощутить себя полноценным, самостоятельным правителем. Митридат начинает вести продолжительные войны против Рима. Более того, он печатает свои монеты, на которых появился облик «почетного и тяжеловооруженного иранского царя, облаченного в иран-

* Чибиров Алексей Львович – к. и. н., н. с. отдела источниковедения Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева, Владикавказ (chibiroff@mail.ru).

ские одежды, вооруженного на иранский лад, с длинным иранским скипетром в руке» [5]. Однако исход войн против Рима оказался для Митридата неудачным. После гибели понтийского царя в 63 г. Боспор оказался под властью Рима. С этого времени наступает новая эпоха, связанная с активным римским влиянием на греческий и варварский мир региона, эра римского влияния.

Длительное и тесное сосуществование иранских племен и эллинов (частично жизнь в одном государстве) наложило сильнейший отпечаток на историю и культуру Боспорского царства. К концу I тыс. до н. э. процесс иранизации греческих колоний на Северном Причерноморье достиг угрожающего для эллинов и эллинизма уровня. Отвечая на вопрос, почему же Рим отдавал предпочтение союзу греческих колоний во главе с Пантикапеем, Ростовцев писал: «Во всех городах, как и в Пантикапее, наблюдается одно основное явление. Греческий элемент все слабеет, и на поверхность выходит элемент местный. Это вытекает и из имен... количество иранских и фракийских имен все растет, количество чисто греческих все падает... Костюм, вооружение, самый тип все более и более иранизируется. Каждая из этнических групп (иранцы, скифы, сарматы) внесла свою лепту в процесс иранизации и обожествления царской власти» [5; 155].

В другой своей работе под названием «Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре» Ростовцев, в продолжение данной темы, отмечает, что Боспор «усиленно иранизируется по мере того, как он приобретает сравнительную самостоятельность и независимость. Иранизируется опять и религия, и царская власть... на мелкой монете для своих поданных он (т. е. монарх. – А. Ч.) является в ореоле божьей милостью правящего царя, получающего знаки власти своей от бога» [6; 29]. По Ростовцеву, иранизация Боспора при сыне Митридата Фарнаке II и последующих правителях еще более углубилась.

При Спартокидах из объединения греческих колоний Боспор превратился в греко-варварское государство, включающее в свой состав ряд туземных племен нижней Кубани и Приазовья. Что касается других городов-колоний, то некоторые из них признавали власть скифских царей. Скифы обычно благосклонно относились к греческим колонистам, торговали с ними, ценили получаемые от них предметы художественного ремесла.

Взаимодействие эллинской и иранской культур Ростовцев демонстрирует и на религиозных примерах. Местное население Боспора почитало Великую Богиню, которая в Иране воспринималась как Ахурамазда, а в греческой среде – как Афродита Урания [6: 27]. В то же время иранский бог Митра, который являлся эпонимом правящей династии (в основе имени Митридат лежит именно

иранский Митра), находился вне официального пантеона боспорских богов. Он почитался только в отдельных районах царства на уровне местного культа.

Тенденция перерастания неограниченной власти монарха в процесс обожествления его личности присутствовала во все исторические времена. Не было исключением и Боспорское царство, где, вслед за иранизацией, с IV в. до н. э. начинается сакрализация царской власти.

Как отмечено О.Шевченко, специальных исследований, посвященных антропитеизму боспорских монархов у Ростовцева не имеется, а рассуждения носят общий характер. «Однако внутренняя логика высказываний ученого, отточенная четкость его формулировок наводит на мысль, что он имел стройную и ясную концепцию развития царского культа на Боспоре, или, в крайней мере, подошел к ее пониманию настолько близко, что она составила в его работах заметный след» [3; 155–156].

По Ростовцеву, начало обожествления боспорских царей было связано с двумя традициями: эллинистической и древнеиранской. И хотя он отдавал предпочтение эллинистическим традициям, тем не менее склонялся к мысли, что «эллинистическая практика обожествления монарха укоренилась и позднее впитала в себя некоторые религиозные традиции достаточно сильно иранизированного Боспора» [3; 156].

Значительную часть своих выводов по эллинскому миру Ростовцев делал на основе анализа предметов, извлеченных археологами из древних могильников. Исследуя сюжеты на монетах с изображением царя, ученый приходит к заключению: «Фигура царя на лошади, получающего приобщение от бога или богини или адорирующего бога или богини, становится обычной на монетах и других памятниках Боспора с того времени, как Боспор в III–II вв. до н. э. сильно иранизировался и его правящая династия сделалась из греческой и греко-фракийской ирано-греческой или даже совсем иранской с таким же небольшим греческим налетом, как в современной Парфии» [7; 109].

Ученый не оставляет без внимания и вопросы государственности и культуры в греческих городах юга России в эпоху римского владычества. Особенностью, характеризующей хозяйственный уклад греческих городов (в первую очередь Пантикапея) эпохи ранней империи, по мнению Ростовцева, «является сильнейшая, дотолемневиданная иранизация всего уклада государственной, религиозной и культурной жизни» [7; 86]. В сфере государственного строительства этот свой тезис ученый подтверждает иранским характером царской власти в Боспоре.

Истории известны связи Сасанидского Ирана не только с Боспорским государством, но и с род-

ственными скифами. Скифы сыграли чрезвычайно большую роль в исторических судьбах многих народов России. Их древности стали известны науке уже в XVIII в., но научная база скифской археологии была создана только в XX в. усилиями М.И. Ростовцева и других ученых.

Вопрос об этнической принадлежности скифов в зарубежной и советской науке не вызывал особых разногласий. Научным сообществом признавалось их иранское происхождение и то, что они вторглись в Северное Причерноморье с востока, из Азии. Свое веское мнение об иранстве скифов и сарматов высказал и Ростовцев, который характеризует сарматов как кочевое племя конных дружинников, чрезвычайно похожее на скифов, но отличающееся от них некоторыми новыми чертами. Ученый солидарен с Геродотом, который отмечал родство скифов и сарматов, подчеркивал, что сарматы (савроматы) говорят на языке скифов издавна с ошибками [8].

В монографии, посвященной эллинизму и иранству на юге России, М. Ростовцев периодически возвращает читателя к скифам и сарматам. После возникновения в Северном Причерноморье греческих городов-государств последние вошли в контакт с варварскими племенами. Развитие этих взаимоотношений, их влияние на исторические судьбы Боспора прослеживается начиная с VII–VI вв. до н. э.

Среди варварских племен, которые установили тесные взаимоотношения с греками Причерноморья, первыми оказались скифы-кочевники. В середине V в. до н. э. в район проникают так называемые «царские скифы», влияние которых на Боспор значительно усиливается. Однако наиболее высокого уровня греко-скифские культурно-исторические контакты достигли в IV–III вв. до н. э., в период существования Великой Скифии. Боспорское царство достигло наивысшего расцвета при правителях Левконе и Перисаде (348–311 вв. до н. э.). Они смогли наладить самые тесные отношения со скифами. В этот период союз скифов и Боспора стал важным фактором культурно-исторического развития этого времени во всем регионе. Государство превратилось в греко-варварское, а власть в нем стала монархической. IV в. до н. э. вошел в историю как эпоха процветания Боспора.

Весьма интересен и процесс адаптации западной группировки скифов с местным оседлым населением. Анализ археологического материала из этих мест привел Ростовцева к выводу, что в могилах превалирует местный инвентарь, который усвоили и сами скифы-пришельцы. Под влиянием местного населения прежним осталась и форма погребения. Ученый придерживается теории принадлежности скифов-пахарей к ираноязычным племенам, отвергая мнение об их славянских корнях.

Новый этап тесных контактов Боспора и скифов происходит во второй половине III в. – первой половине II в. до н. э., период, который, по словам Ростовцева, стал временем культурного возрождения Боспорского царства. К III в. н. э. религиозные воззрения местного населения оказывают все большее влияние на организацию царской власти в Боспоре. В частности, скифы внесли свою лепту в сакрализацию власти в Пантикапее. Как писал Ростовцев, на смену эллинистическо-фракийских традиций видения царской власти приходят скифские обычаи, а эллинизм этому уже не может сопротивляться [6; 30]. Ученый пишет не только о факте существования нового культа, но и механизме его внедрения. Будучи инициаторами обожествления своей власти, боспорские правители предприняли шаги к ее канонизации и обожествлению. С этой целью был создан так называемый союз почитателей царского культа [9]. Кроме того, для укрепления своей власти цари создали так называемые «коллегии». Они возникли при Савромаке I и состояли из представителей высших слоев боспорского общества мужского пола, способных нести военную службу. Коллегии представляли собой своеобразные объединения знатных людей в государственные общества военно-религиозного характера [10]. В своих суждениях о культе боспорских властей Ростовцев больше акцентирует внимание на их социальную, а не религиозную значимость, хотя, как полагают другие специалисты, цари Боспора при создании коллегий вряд ли могли упустить возможность внедрить в них религиозный культ [3; 159]. Он же отмечал что, несмотря на усилия боспорской элиты, культ царей не стал доминирующим в мировоззрении основной массы населения царства. На эту роль претендовал лишь культ местной Великой Богини, которая являлась «официальной богиней всего царства» [4; 14].

При преемниках скифского царя Атея центральная власть в Великой Скифии постепенно ослаблялась, и в III в. до н. э. держава рухнула, став легкой добычей мигрирующих на Запад родственных им сарматских племен. Следствием крушения скифской империи стало уничтожение всей устоявшейся системы греко-варварских связей. После разгрома Великой Скифии сарматами вокруг скифов, проживавших в Крыму, сформировалось новое скифское государство. Тогда же центр государства был перенесен из Приднепровья в Крым.

Крымская Скифия (или Тавроскифия) была территориально значительно меньше Великой Скифии, но в отличие от нее являлась более передовым, развитым государством, в том числе и в социально-экономическом плане. На сей раз государство состояло из оседлого земледельческого населения, было хорошо организованным, с четко очерченными границами, крепкой централь-

ной властью и эллинизированной верхушкой. В нем наблюдается процесс сильной эллинизации скифских городов и одновременно – сарматизация синдо-меотской знати [11], а также происходит консолидация племенных групп с основным населением страны – скифами. В Скифии внедрялась греческая письменность, были построены новые города и среди них столица – Неаполь Скифский. Как было отмечено М. Ростовцевым, с III–II вв. до н. э. прослеживается и культурное возрождение края. Крымская Скифия может однозначно характеризоваться как полноценное государство. Она просуществовала целых шесть столетий, соседствуя с могущественными сарматами, Боспорским царством и другими греческими городами-государствами. По мнению скифолога Хазанова, если Боспорское царство по существу было греко-скифским, то Крымское царство со II в. до н. э. до III в. н. э. условно можно назвать скифо-эллинистическим [12].

При царе Тавроскифии Скилуре, когда политическая ситуация на Северном Причерноморье ухудшается, Крымское царство установило дружественные, а то и родственные связи с поздними Спартокидами. Археологическое изучение Неаполя Скифского позволяет утверждать, что вся «совокупность элементов неапольского южного дворца может продемонстрировать абсолютное главенство царского рода, доведенного до высшей точки – обожествления верховного вождя (Скирула)» [13].

В III–I вв. до н. э. в борьбе за политическое и экономическое верховенство, а также рынки сбыта, Крымская Скифия вела затяжные войны с греческими колониями. Однако античный мир был еще достаточно сильным. На помощь грекам пришли Понтийское царство и Римская империя, в результате чего скифы терпят окончательное поражение, которое завершило почти тысячелетнюю историю их пребывания на исторической арене. Что касается судьбы самих колоний Северного Причерноморья, то они утратили свою независимость и попали под власть сначала Понтийского царства, а с его падением вошли в состав Римской империи [14].

Как было отмечено выше, этногенетическое родство скифов и сарматов не вызывало сомнений у М.И. Ростовцева. Подчеркивая ираноязычие сарматов, он находил много общего у них со скифами: и те и другие являлись конными рыцарями, хотя главным оружием у сарматов был уже меч, а не лук; были похожи внешний облик и одежда; мало отличался и строй государственной жизни. Опираясь на новейшие лингвистические исследования, Ростовцев считал сарматов иранцами, алан – одним из сарматских племен, а осетин считал отдаленными потомками алан [5; 129]. Сравнивая сарматов со скифами, Ростовцев подчеркивает, что они «от подвергшихся сильно-

му влиянию греческой культуры скифов отличаются, прежде всего, большой грубостью и дикостью. Вместо лука и стрел у сармат в вооружении – длинные мечи и огромные копья. В их вооружении много общего со скифами. Как и скифы, они конные рыцари, но главным оружием их являются уже не луки, а длинные мечи. Как и скифы, они защищены чешуйчатыми панцирями из костяных или железных чешуек. Внешний облик их такой же, как и у скифов: длинные волосы и бороды, восточная одежда, похожая на одежду парфян, штаны». Ученый заостряет внимание и на различиях между сарматами и скифами: «Сарматам удается то, что не удалось скифам. Они проникли глубоко в Западную Европу, дошли до Испании. С собою они понесли свои вкусы, свою культуру, свои любимые формы. Вещи сарматского типа, целые погребения мы находим в Австрии и даже в далекой Норвегии» [5; 139].

Правящая элита Боспорского царства сумела установить союзнические отношения с сарматами. Процесс иранизации Боспора еще более усилился в период смены скифской эпохи на сарматскую (III–II вв. до н. э.). Начался он привлечением сарматских племен-сираков на свою сторону претендентом на царство Евмелом Боспорским в борьбе со своими братьями. Боспор продолжил политику, которую проводил со скифами в период расцвета державы, и с сарматами, результатом чего было укрепление влияния царства в Прикубанье и низовьях Дона. Боспорское царство стало сильным, хорошо организованным государством.

Учеными установлено, что на археологических памятниках юга России с III в. до н. э. прослеживается «влияние какого-то нового искусства, сложившегося на границе между сакским Туркменистаном, Персией и Индией, и чуждого более ранним скифским образам. При этом сарматские племена-носители этого нового искусства нахлынули на юг России в ходе так называемого «Великого переселения народов во второй половине II в. до Р. Х.», которое кардинально повлияло на жизнь Востока, вытеснив на запад группу кочевых племен – роксаланов, аорсов и сираков. И, как далее пишет Ростовцев, одна волна сарматских кочевников за другой «докатилась и до юга степей России и разлилась здесь до южного Кавказа и Днепра» [15].

Долговременное пребывание сарматов на Кубани, на Дону и далее на западе не могло не оставить следа в могильниках, расположенных в этих местностях. Погребения со II в. до н. э. резко отличаются от погребения скифов IV–III вв. до н. э. [5; 130]. Погребения эти не имеют формы погребальных ям со встроенными в них деревянными и каменными сооружениями. Верность суждений Ростовцева о смене культур на рубеже III в. до н. э. получила подтверждение в трудах других его коллег-антиковедов, таких как Сарияниди, Скрипник, Щукин.

В I–II вв. н. э. Боспорское царство неоднократно воевало сначала с сарматами в Приазовье, а затем со скифами в Крыму. Последняя кампания закончилась победой боспорян. В эти же столетия под влиянием притока сарматских этнических элементов в городах Боспора происходит более усилившаяся «сарматизация» культуры Боспорского государства [16]. О внешнем одеянии боспорян Ростовцев писал: «Какую одежду носили греки Боспора в эпоху Спартокидов, мы не знаем. Но в эпоху империи она почти совершенно иранская, с некоторою только примесью греческих элементов. Иранскими надо считать штаны и сапоги, а также верхний камзол. Греческое влияние можно видеть в плаще и хитоне, которые сочетаются с вышеназванными частями костюма. В иранском внешнем облике сказывается не только иранское влияние, а несомненная иранизация населения по крови и по воззрениям» [5, 173–174].

Подчеркивая относительно стабильное развитие греческих городов Причерноморья в течение трех столетий нового тысячелетия, Ростовцев отметил кардинальный прогресс, достигнутый городами во всех сферах жизнедеятельности: «Но это были уже не те города, которые когда-то основали здесь греки. Создалось новое население и новая культура. Две струи, греческая и скифо-сарматская, слились, пока и ту и другую не залили волны германских, тюркских и славянских племен, которым принадлежало будущее» [5, 186].

Несмотря на то, что работам Михаила Ивановича Ростовцева, посвященным Боспору, более ста лет, их основные постулаты так и остались универсальными. Более того, «некоторые его умозаключения настолько опередили свое время, что их ценность мы осознаем только сейчас, вступая в XXI столетие. И, кто знает, быть может, вклад гениального русского ученого в разрешение проблемы сосуществования разных цивилизаций поможет нам расплести клубок национальных противоречий, в котором ныне оказался запутанным Крымский полуостров» [3, 162].

И все же у нас вызвали сомнения некоторые положения уважаемого ученого. В частности, рассказывая о сарматах, их взаимоотношениях с соседними племенами, Ростовцев подчеркивает, что бытовавшее в сарматском обществе исключительное положение женщины (в их военной и политической жизни) является плодом влияния киммерийцев и близкого родства фракийцев и киммерийцев [4; 34]. Между тем мнение ученого не подтверждается по отношению ни к киммерийцам, ни к фракийцам.

Как свидетельствуют источники, сарматы ни от кого не восприняли черты матриархата: среди соседних и других народов они выделялись яркими чертами матриархата и высоким общественным положением женщины. Об этом писал крупней-

ший ученый-сарматовед К.Ф. Смирнов [17]. В том же ключе высказывался и скифолог Граков [18]. Да и древние авторы обратили внимание на эту особенность общественного строя сарматов. «Народ савроматов управляется женщинами», – писал античный автор Скилак Кариандский (V–IV вв. до н. э.) [19]. Не совсем правильно мнение Ростовцева и о том, будто матриархальные черты сармат перешли к ним от соседних синдов. Между тем у синдов они не наблюдались в начальный период их истории (I тыс. до н. э.), а появились лишь в начале нашей эры, когда «синды подверглись сарматизации, приведшей к их ассимиляции с сарматами» [19; 882].

В трудах Ростовцева не полностью исследован вопрос о сармато-римских взаимоотношениях. Классифицируя сарматские племена, Ростовцев не упоминает племя языгов, которые имели весьма сложные отношения с Римской империей. Дело в том, что языги постоянно находились в состоянии войны с Римом, которые продолжались с переменным успехом. Вначале военная фортуна была на стороне языгов, но в очередной войне в 175 г. римляне взяли вверх, и на правах победителей увели в плен 8 тысяч тяжеловооруженных воинов. Из них 5,5 тыс. были отправлены в Британию (на границу Римской империи с Шотландией) для защиты северных рубежей империи от постоянных набегов горцев Шотландии.

Неточны и предложенные Ростовцевым географические рамки расселения сарматских племен, от Тобола до Волги [7; 95]. В действительности западные границы расселения сармат проходили не по Волге, а по Дунаю. Судя по контексту, не соответствует действительности и утверждение ученого, будто аланы, наравне с другими сарматскими племенами, сошли с исторической арены в IV в. [19; 561]. На самом деле они исчезли как племя лишь после разгрома их Тимуром в конце XIV века.

Ростовцев прав, называя алан одним из сарматских племен (наряду с роксаланами, аорсами, сираками), но не раскрывает картины до конца. На начальном этапе аланы были автономны. Однако со временем в их состав влились как сираки, жившие в верховьях Кубани, так и более многочисленные аорсы, жившие в бассейне р. Терек на Центральном Кавказе. В другой своей работе Ростовцев поддерживает исследователей, считавших верным тождество аорсов и алан. Он писал: «Происхождение аорсов и аланов известно... Аорсы западных источников являются йен-тсай китайских анналов и спустя некоторое время после 25 г. по Р. Х. другое племя одержало верх над ними и дало собственное наименование всей конфедерации кочевников, которую оно контролировало. Не случайно название «аорсы» исчезает из западных источников во второй половине I в. по Р.

Х., когда на его месте оказывается этноним «аланы» [15; 92]. Это мнение Ростовцева, разделяемое Ю. Гаглойти, верно лишь отчасти, ибо кроме аорсов под понятие алан попало и другое сарматское племя – сираки; после войны между аорсами и сираками в 49 г. оба этнонима исчезают. Поэтому прав В. Кузнецов, который писал: аорсы и сираки были этнической основой алан Северного Кавказа [20]. Мнение, утверждающее, что аланы являются совокупностью этнических групп сарматских племен, разделяют, кроме Ростовцева, и другие ученые, такие как Фрай, Абаев, Малахов.

Относительно алан Ростовцев допускает еще одну неточность. Во время Великого переселения народов (IV – нач. VII в.) сармато-аланы продвинулись не только до Испании [5; 139], но и, переплыв Гибралтар вместе с вандалами, оказались на севере Африки, где создали Алано-Вандаль-

ское королевство со столицей в г. Карфаген.

Однако эти неточности отнюдь не умаляют важности и ценности исследований М.И. Ростовцева. Своими исследованиями ученый обозначил истоки истории славян, более чем кто-нибудь другой доказал важность древнеиранской и скифо-сарматской составляющей дославянского периода истории России. Согласно Э.Д. Фролову, большая заслуга Ростовцева заключается в том, что впервые в отечественном антиковедении «он досконально разработал взаимоотношения античности с миром окружающих варваров, показав оригинальность вклада обоих контрагентов – греческих городов и скифо-сарматских племен и, таким образом, обосновал значение этнокультурного взаимодействия как решающего фактора исторического развития» [2; 162].

ЛИТЕРАТУРА

1. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М., 1964. С. 10.
2. Фролов Э.Д. Судьба ученого: Ростовцев и его место в русской науке об античности // ВДИ, 1990, № 3. С. 1–3.
3. Шевченко О.К. Царский культ на Боспоре в научных разработках М.И. Ростовцева // В.И. Даль и судьбы русской культуры. Материалы научно-практической конференции. – Симферополь, 2003. С. 159.
4. Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. – Петроград, 1914. С. 11.
5. Ростовцев М.И. Эллинизмо и иранство на юге России. – Петроград, 1918. С. 170.
6. Ростовцев М.И. Представления о монархической власти в Скифии и на Боспоре // ИИАК, 1913. С. 29.
7. Ростовцев М.И. Иранский конный бог и юг России // Иранство и эллинизмо на юге России. – Вл., 2012. С. 109.
8. Геродот. История. – Л., 1972. IV. 117.
9. Свенцицкая И.С. Роль частных сообществ в общественной жизни полисов эллинистического и римского времени // ВДИ. 1985. № 4. С. 51.
10. Ростовцев М.И. Бог-всадник на юге России, в Индо-Скифии и в Китае. – Прага, 1928. С. 201.
11. Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии // ВДИ. 2001, № 3. С. 91–117.
12. Хазанов А.М. Золото скифов. – М., 1975.
13. Зайцев Ю.П. Скирул и его царство // ВДИ, 1999, № 2. С. 145.
14. Жебелев С.А. Народы Северного Причерноморья в античную эпоху // ВДИ, 1938.
15. Ростовцев М.И. Scifca. Избранные работы. – СПб, 1993. С. 45–46, 92.
16. Советская историческая энциклопедия. Т. 2. – М., 1962. С. 643–644.
17. Смирнов К.Ф. Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. – М., 1964. С. 201.
18. Граков Б.Н. Скифы. – Киев, 1947.
19. Античные источники о Северном Кавказе. – Нальчик, 1990. С. 44.
20. Кузнецов В.А. Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения родины. – Владикавказ, 2014. С. 48.

THE IRANIAN COMPONENT OF THE BOSPORUS KINGDOM IN PROF. M.I. ROSTOVTSSEV'S WORKS

A.L. Chibirov

PhD. North Ossetian Institute for humanitarian and social research named after V.I. Abaev, Vladikavkaz scientific center of the RAS, Vladikavkaz (chibiroff@mail.ru)

Abstract. The Bosphorus kingdom which was located in Eurasia (V century BC - III century AD) adjoined in the south to Sassanian Iran, and in the North and the West with iranian-speaking Scythians and Sarmatians. In all the researches the largest antiquity scientist M. I. Rostovtsev defended idea of huge influence of the Iranian people on history of the Bosphorus kingdom and considered it as result of the centuries-old close cultural and historical relations of a kingdom with Persia both influential and strong Scythian-Sarmatian world.

Keywords: Rostovtsev. Black Sea Coast. Iran. Scythians. Greeks. Cities colonies Sarmatians. Bosphorus kingdom. Iranization. Idolization.

REFERENCES

1. Smirnov K.F. Savromaty. Rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov. – M., 1964. S. 10.
2. Frolov E.D. Sud'ba uchenogo: Rostovtsev i ego mesto v russkoy nauke ob antichnosti // VDI, 1990, № 3. S. 1–3.
3. Shevchenko O.K. Tsarskiy kult' na Bospore v nauchnykh razrabotkakh M.I. Rostovtseva // V.I. Dal' i sud'by russkoy kul'tury. Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Simferopol', 2003. S. 159.
4. Rostovtsev M.I. Antichnaya dekorativnaya zhivopis' na yuge Rossii. – Petrograd, 1914. S. 11.
5. Rostovtsev M.I. Ellinstvo i iranstvo na yuge Rossii. – Petrograd, 1918. S. 170.
6. Rostovtsev M.I. Predstavleniya o monarkhicheskoy vlasti v Skifii i na Bospore // IIAK, 1913. S. 29.
7. Rostovtsev M.I. Iranskiy konnyy bog i yug Rossii // Iranstvo i ellinstvo na yuge Rossii. – Vl., 2012. S. 109.
8. Gerodot. Istoriya. – L., 1972. IV. 117.
9. Svetsitskaya I.S. Rol' chastnykh soobshchestv v obshchestvennoy zhizni polisov ellinisticheskogo i rimskogo vremeni // VDI. 1985. № 4. S. 51.
10. Rostovtsev M.I. Bog-vsadnik na yuge Rossii, v Indo-Skifii i v Kitae. – Praga, 1928. S. 201.
11. Puzdrovskiy A.E. Politicheskaya istoriya Krymskoy Skifii // VDI. 2001, № 3. S. 91–117.
12. Khazanov A.M. Zoloto skifov. – M., 1975.
13. Zaytsev Yu.P. Skirul i ego tsarstvo // VDI, 1999, № 2. S. 145.
14. Zhebelev S.A. Narody Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu // VDI, 1938.
15. Rostovtsev M.I. Scifca. Izbrannyye raboty. – SPb, 1993. S. 45–46, 92.
16. Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya. T. 2. – M., 1962. S. 643–644.
17. Smirnov K.F. Savromaty. Rannyyaya istoriya i kul'tura sarmatov. – M., 1964. S. 201.
18. Grakov B.N. Skify. – Kiev, 1947.
19. Antichnyye istochniki o Severnom Kavkaze. – Nal'chik, 1990. S. 44.
20. Kuznetsov V.A. Alany i Kavkaz. Osetinskaya epopeya obreteniya rodiny. – Vladikavkaz, 2014. S. 48.